

DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2025.4.8>

UDC 338.242.4
LBC 65.050.14

Submitted: 08.09.2025
Accepted: 29.09.2025

SHADOW ECONOMY IN THE NEW REGIONS OF RUSSIA

Julija G. Popova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Elena G. Russkova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The subject of this study is the shadow economy in the new constituent entities of the Russian Federation (DPR, LPR, Zaporozhye and Kherson regions) during their intensive socio-economic integration (2022–2025). The purpose of the work is to conduct a comprehensive analysis of the dual nature of the shadow sector, going beyond the traditional perception of it as an exclusively destructive phenomenon. The main research findings show that in the context of an institutional vacuum, the destruction of formal economic ties, and external sanctions pressure, the shadow economy in the new regions has become not just a deviation but an alternative life-support system. It performs critically important functions: it absorbs social shocks through informal employment, ensures economic connectivity by establishing shadow commodity flows, and acts as an incubator for grassroots entrepreneurial activity. The results can be applied in public administration and regional economic policy. The study concludes that a straightforward fight against the shadow sector is counterproductive. A strategy of “managed formalization” is needed, aimed at creating incentives for businesses to emerge from the “shadows” by simplifying regulations and increasing the attractiveness of the legal jurisdiction. The dynamics of the shadow sector are proposed as a key indicator of the integration processes. The research methodology is based on a systems approach, comparative analysis, and the principles of institutional economic theory. The study employs methods of structural-functional analysis to identify both the negative consequences of shadow activities and their positive adaptive-stabilizing functions. Scientific publications, analytical reports, and expert assessments concerning transitional and post-conflict economies were used as the empirical base.

Key words: shadow economy, new regions of Russia, socio-economic integration, post-conflict recovery, economic policy, managed formalization, DPR, LPR.

Citation. Popova Ju.G., Russkova E.G. Shadow Economy in the New Regions of Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Journal of Volgograd State University. Economics], 2025, vol. 27, no. 4, pp. 104–113. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2025.4.8>

УДК 338.242.4
ББК 65.050.14

Дата поступления статьи: 08.09.2025
Дата принятия статьи: 29.09.2025

ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА В НОВЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

Юлия Геннадиевна Попова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Елена Геннадиевна Русскова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В работе исследована теневая экономика в новых субъектах Российской Федерации (ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области) в период их интенсивной социально-экономической интеграции (2022–2025 гг.). Комплексный анализ двойственной природы теневого сектора позволил выйти за рамки традиционного восприятия его как исключительно деструктивного явления. Основные результаты исследования показывают, что в условиях институционального вакуума, разрушения формальных хозяйственных связей и внешнего санкционного

давления теневая экономика в новых регионах стала не только отклонением, но и альтернативной системой жизнеобеспечения. Она выполняет критически важные функции: амортизирует социальные шоки через неформальную занятость, обеспечивает экономическую связность путем налаживания теневых товарных потоков и выступает инкубатором низовой предпринимательской активности. Сделан вывод, что прямолинейная борьба с теневым сектором контрпродуктивна. Необходима стратегия «управляемой формализации», направленная на создание стимулов для выхода бизнеса из «тени» путем упрощения регулирования и повышения привлекательности легальной юрисдикции. Динамика теневого сектора предложена в качестве ключевого индикатора эффективности интеграционных процессов. Методология исследования основана на системном подходе, сравнительном анализе и принципах институциональной экономической теории. В работе применяются методы структурно-функционального анализа для выявления как негативных последствий теневизации, так и ее позитивных адаптивно-стабилизирующих функций. В качестве эмпирической базы использованы научные публикации, аналитические доклады и экспертные оценки, касающиеся переходных и постконфликтных экономик.

Ключевые слова: теневая экономика, новые регионы России, социально-экономическая интеграция, постконфликтное восстановление, экономическая политика, управляемая формализация, ДНР, ЛНР.

Цитирование. Попова Ю. Г., Русскова Е. Г. Теневая экономика в новых регионах России // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2025. – Т. 27, № 4. – С. 104–113. – DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2025.4.8>

Введение

Социально-экономическая интеграция Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей в экономику Российской Федерации представляет собой беспрецедентный по масштабу и сложности процесс системной трансформации, который охватывает не только законодательство, инфраструктуру, но и глубокую перестройку хозяйственных связей социальной сферы. В этом комплексном преобразовании одним из ключевых направлений выступает снижение уровня теневой экономики, которая в условиях переходного периода, как правило, усиливается по причинам политической нестабильности, неблагоприятного социального и финансового положения населения, низкой эффективности экономической системы и несовершенства законодательства, как показал опыт Российской Федерации 1990-х годов.

Природа теневой экономики как социально-экономического явления обуславливает невозможность ее полного устранения, а наличие определенных экономических, социальных и политических условий и факторов – изменение ее количественных (масштабов теневого сектора) и качественных (форм теневой экономики) характеристик.

В период с 2022 по 2025 г. в новых регионах России активно проявились такие формы теневой экономической активности, как подпольное производство, теневая занятость,

уклонение от налогообложения, что обусловлено кризисной ситуацией, в которой теневая экономика потенциально более эффективна для хозяйствующих субъектов, компенсируя слабость социально-экономических функций формальной экономики.

В этой связи традиционно рассматриваемая в экономической науке как негативный феномен, подрывающий фискальную базу государства и искажающий рыночные механизмы, теневая экономика применительно к новым регионам должна изучаться как явление, имеющее более сложный характер. Классические модели, объясняющие теневую экономику через призму высокого налогового бремени, избыточного регулирования или коррупции в стабильных системах, оказываются недостаточными для анализа ситуации, где устройство формальной экономической системы было разрушено, а новые институты находятся в стадии становления. В этом качестве она выполняет не только деструктивные, но и критически важные адаптивно-стабилизирующие функции.

Цель настоящей работы – провести анализ двойственной роли теневой экономики в новых субъектах РФ, выявив ее причины, отраслевую структуру, негативные последствия и адаптивные функции, что позволит сформулировать научно обоснованные рекомендации для органов власти по выработке эффективной стратегии в отношении неформального сектора экономики на новых территориях.

Объекты и методы исследования

Для достижения поставленной цели был проведен анализ теневой экономики в экономической системе новых регионов, находящейся в состоянии глубокой трансформации, что позволило установить взаимосвязи теневого сектора, формальной экономики, государственных институтов и социальной сферы.

Применение структурно-функционального подхода дало возможность выделить основные структурные компоненты теневой экономики (неформальная занятость, теневая посредническая деятельность, «гаражная экономика», личные подсобные хозяйства) и проанализировать выполняемые ими конструктивные и деструктивные функции, проявляющиеся во внутренней противоречивости и двойственности исследуемого феномена.

Исследование опирается на принципы институциональной экономической теории, которая акцентирует внимание на роли формальных и неформальных институтов в формировании экономического поведения. В контексте новых регионов это позволило объяснить возникновение и масштабы теневой экономики как рациональную реакцию экономических агентов на «институциональный вакуум» – ситуацию правовой неопределенности и слабости формальных правил игры.

Результаты и обсуждение

Теневая экономика в новых регионах России в период 2022–2025 гг. представляет собой во многом альтернативную систему жизнеобеспечения и хозяйствования, возникшую как рациональный ответ экономических агентов на коллапс прежних институтов и физическое разрушение реального сектора, ее масштабы отражают рациональную реакцию экономических агентов на «институциональный вакуум» – ситуацию правовой неопределенности и слабости формальных правил игры [Еремина, 2023, с. 16]. В этом качестве теневая экономика выполняет критически важные адаптивно-стабилизирующие функции, выступая одновременно и как вызов для государственного управления, и как ресурс для восстановления, потенциал которого

может быть использован при формировании и реализации экономической политики.

Масштабы и структура теневой экономики в новых регионах России определяются уникальной комбинацией нескольких основных условий:

1. Эффект «колеи», или исторической инерции. Донбасс, как и многие другие старопромышленные регионы постсоветского пространства, еще до 2014 г. характеризовался значительным уровнем неформальных экономических отношений. Практики ухода от налогов, неформальной занятости и «серого» бизнеса были глубоко укоренены в хозяйственной культуре, что создало почву для их дальнейшего разрастания.

2. Активно изменяющаяся в сторону нестабильности политическая ситуация и последовавшая за этим экономическая блокада. Физическое уничтожение или остановка крупных промышленных предприятий – основы формальной экономики и занятости – привело к высвобождению огромного количества рабочей силы [Сейтумерова, 2024, с. 282]. Одновременно были разорваны десятилетиями складывавшиеся производственные и логистические цепочки. Введенные против России и непосредственно против новых регионов международные санкции усугубили ситуацию, создав дефицит широкого спектра товаров [Любовцева и др., 2022, с. 9; Портанский, 2023, с. 10]. Этот вакуум не мог быть мгновенно заполнен формирующимися формальными структурами. В данных условиях именно гибкие неформальные сети взяли на себя функцию жизнеобеспечения. Как отмечают Ю.А. Ляшенко и А.В. Мешков, на начальном этапе после 2014 г. экономическая деятельность в ДНР и ЛНР была ограничена, в основном, гуманитарной помощью и несистемными поставками [Ляшенко и др., 2023, с. 294].

3. «Институциональный вакуум». Процесс перехода из украинского правового поля в российское создал ситуацию правовой неопределенности, в условиях которой уход в «тень» часто является не злонамеренным уклонением, а рациональной стратегией минимизации рисков, связанных с непредсказуемостью правовой системы [Еремина, 2023, с. 18]. Экономические агенты предпочитают действовать в рамках понятных, зачастую нелегитимных,

правил межсубъектного взаимодействия в процессе хозяйствования. Такая же ситуация была характерна для «перестроечной» экономики России 1990-х гг. и является классическим примером «институциональной ловушки», когда неэффективные, но устойчивые неформальные нормы блокируют развитие эффективных формальных институтов [Авдеев, 2023, с. 71].

Сформировавшаяся в условиях соблюдения российского законодательства теневая экономика имеет сложную структуру, для которой характерно соотношение множества форм и отраслей (табл. 1).

Первая и самая массовая форма теневой экономики – неформальная занятость – задействована в широком спектре отраслей: от самозанятых, оказывающих бытовые услуги, до работников, нанятых без официального оформления на стройках, в сельском хозяйстве, в мелкой торговле. Для сотен тысяч людей, потерявших место работы, такая занятость стала основной стратегией выживания [Гаврилов, 2023, с. 48].

Вторая форма – теневая посредническая деятельность – основана на преодолении логистических разрывов и санкционных барьеров, включая деятельность «челноков» и сетей «параллельного импорта», насыщая местный рынок товарами первой необходимости, запчастями, медикаментами, которые не могут быть оперативно поставлены крупными ритейлерами [Дорофеев, 2024, с. 38; Портан-

ский, 2023, с. 11]. По данным Министерства доходов и сборов ДНР за 2020 г., основными товарами импорта были машины и оборудование, продукты питания и лекарства, что косвенно указывает на критическую важность этих потоков [Ляшенко и др., 2023, с. 294].

Третья форма – «гаражная экономика». Это мелкомасштабное, нерегистрируемое производство товаров и услуг (стройматериалы, продукты питания, ремонт техники), ориентированное на удовлетворение локального спроса в условиях отсутствия доступа к кредитованию и сложности формальных процедур [Ковалев, 2022, с. 2080].

Четвертая форма – личные подсобные хозяйства, представляющая собой мелкое производство и незарегистрированный сбыт продукции, произведенной в отраслях сельского хозяйства.

Признание адаптивной роли теневой экономики при современных реалиях не устраняет ее фундаментально деструктивных последствий.

Во-первых, фискальный ущерб, когда каждый рубль, заработанный в «тени», – это рубль, с которого не уплачены налоги и социальные взносы, что замедляет достижение финансовой самостоятельности регионов [Белюсова и др., 2024, с. 215; Лысенко, 2024, с. 55]. По некоторым оценкам, в целом по России теневая часть доходов в ВВП может составлять от 16 до 20 % [Гаврилов, 2023, с. 46].

Таблица 1. Отраслевая структура теневого сектора в новых регионах РФ, 2023–2024 гг., % от общего объема теневой экономики

Table 1. Sectoral structure of the shadow sector in new regions of the Russian Federation, 2023–2024, % of the total shadow economy

Формы теневой экономики	Экспертная оценка, %	Отрасли
Неформальная занятость	40–50	Строительство и ремонт, бытовые услуги, репетиторство, уход за больными и детьми, работа без оформления в торговле и общепите
Теневая посредническая деятельность	25–35	«Челночная» торговля, неформальный импорт потребительских товаров и запчастей, нелегализованная розничная торговля
Гаражная экономика	10–15	Производство стройматериалов, продуктов питания (выпечка, консервация), ремонт техники и автомобилей, пошив одежды
Личные подсобные хозяйства	5–10	Производство продукции в сельскохозяйственных отраслях для продажи, минуя официальные рынки и переработчиков

Примечание. Составлено по: [Ковалев, 2022, с. 2085; Теневая экономика ... , 2024, с. 34].

Во-вторых, искажение конкурентной среды, когда предприятия теневого сектора несправедливо имеют конкурентные преимущества. Экономя на налогах, социальных отчислениях, расходах на соблюдение экологических, санитарных и технических норм, они имеют возможность устанавливать более низкие цены на свои товары и услуги. Это ставит в заведомо проигрышное положение легальный бизнес с полной регуляторной и налоговой нагрузкой. В результате создается замкнутый круг: легальная деятельность становится экономически нерациональной, что демотивирует «белых» инвесторов, в том числе крупные российские компании, и подталкивает даже добросовестных предпринимателей к уходу в «тень» для выживания.

В-третьих, социальная уязвимость занятого в теневом секторе населения. За кажущейся выгодой неформальной занятости скрывается огромная социальная уязвимость. Задействованные в теневом секторе крупные массы рабочей силы лишены базовых прав и гарантий, предусмотренных трудовым законодательством: оплачиваемых отпусков и больничных, защиты от производственного травматизма. Основной проблемой при этом является отсутствие отчислений в Пенсионный фонд и Фонд социального страхования. Это означает, что сегодня, обеспечивая свое выживание, рабочие лишены права на достойную пенсию в будущем и на полноценное медицинское обслуживание. В краткосрочной перспективе это стратегия выживания, но в долгосрочной – формирование будущего бремени для системы социального обеспечения, которая на данный момент не пополняется соразмерными вкладами [Гаврилов, 2023, с. 51].

В-четвертых, криминализация общества, поскольку масштабная теневая экономика неизбежно становится благоприятной средой для коррупции и организованной преступности. Как отмечает И.К. Лось, наличие частной собственности в условиях слабого государственного регулирования может приводить к развитию теневой экономики и коррупции [Лось, 2024, с. 165]. Неформальные денежные потоки трудно отследить, что создает возможности для их сращивания с криминальными схемами, контрабандой, отмыванием денег. Это подрывает усилия по интеграции новых

регионов в правовое поле Российской Федерации.

Более того, наличие крупного неучтенного сектора делает экономику «непрозрачной» для государства, что кардинально затрудняет макроэкономическое прогнозирование, планирование и реализацию государственной политики, поскольку значительная часть хозяйственной жизни протекает вне поля зрения и контроля регулирующих органов.

Несмотря на негативные аспекты, в специфических условиях новых регионов теневая экономика играет также и адаптивно-стабилизирующую роль, проявляющуюся через ряд критически важных функций, среди которых следует отметить: «социальный амортизатор», экономическую взаимосвязь регионов, инкубатор предпринимательства.

Важнейшей позитивной функцией является роль социального амортизатора. Неформальный сектор стал главным «работодателем», предоставив домашним хозяйствам возможность получать доход и предотвратив гуманитарную катастрофу.

Обеспечение экономической взаимосвязи регионов проявляется в том, что теневая посредническая деятельность способствует налаживанию поставок жизненно важных товаров, связывая локальные экономики с общероссийским рынком [Дорофеев, 2024, с. 40]. С одной стороны, это повышает уровень жизни населения, с другой – дает возможность бизнесу получать прибыль в условиях дефицита [Ляшенко и др., 2023, с. 295].

Кроме того, теневая экономика играет роль инкубатора предпринимательства, поскольку теневой сектор служит полигоном с низкими барьерами для входа, где люди могут протестировать бизнес-идеи и накопить капитал [Трофимова, 2024, с. 85].

Двойственная природа теневой экономики проявляется в сочетании очевидных негативных последствий и скрытой, но проявляющейся в кризисный период адаптивно-стабилизирующей роли. В новых регионах Российской Федерации она находит отражение как в деструктивных, так и в конструктивных функциях, что должно иметь приоритетное значение для формирования и реализации региональной экономической политики и государственного управления. Поэтому борьба с теневой экономикой только как с нега-

тивным явлением становится неактуальной и должна трансформироваться из политики подавления в политику управления и трансформации с использованием теневого сектора как индикатора интеграционных процессов.

Размер и структура теневого сектора служат «барометром» реального состояния институционального климата. Если доля неформального сектора остается высокой, это сигнализирует о провалах в государственной политике: чрезмерных административных барьерах, несправедливой налоговой системе или низком доверии к государственным институтам [Теневая экономика ... , 2024, с. 45]. Таким образом, мониторинг теневой экономики должен стать одним из ключевых показателей эффективности (KPI) для региональных администраций.

Таким образом, теневая экономика имеет не только отрицательные, но и положительные черты:

- способствует росту ВРП при переводе теневых доходов в официальный спрос, стимулирующий предложение официального сектора экономики;
- снижает фактический уровень безработицы за счет трудоустройства части безработных на теневом рынке труда;
- теневая деятельность предприятий, приводящая к сокращению средних издержек, способствует предотвращению их банкротства.

В этой связи вместо тотальной «войны с тенью» представляется более целесообразной стратегия «управляемой формализации», цель которой – не уничтожение теневой экономики, а трансформация ее функций в официальный сектор. Государство должно сделать формальную экономику настолько доступной и выгодной, чтобы она естественным образом перетянула на себя адаптивные функции неформального сектора. Одним из ключевых инструментов такой политики стало создание свободной экономической зоны на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей до конца 2050 г. [Виндижева, 2024, с. 38]. Этот механизм предоставляет значительные преференции для инвесторов, что должно стимулировать приток капитала и легализацию бизнеса (табл. 2).

Создание свободной экономической зоны имеет как преимущества, так и недостатки. Как отмечает Б.Ч. Виндижева, освобождение от уплаты налогов ведет к отсутствию собственных налоговых доходов у регионов в кратко- и среднесрочной перспективе. Также существует риск, что предприятия будут искусственно занижать прибыль для продления периода пользования льготами [Виндижева, 2024, с. 39–40]. Поэтому важно не просто привлекать резидентов, но и контролировать выполнение ими обязательств.

В новых регионах необходимо применение инвестиционно-ориентированного механизма

Таблица 2. Основные налоговые льготы для участников свободной экономической зоны в новых регионах РФ

Table 2. Main tax benefits for participants in the free economic zone in new regions of the Russian Federation

Налог	Ставка на территории СЭЗ	Особенности применения льгот
Налог на прибыль	0–13,5 %	В федеральный бюджет – 0 % в течение 10 лет с момента получения прибыли. В региональный бюджет – ставка определяется законами субъектов. Ускоренная амортизация с коэффициентом 2
Страховые взносы	7,6 %	Пониженный тариф для новых участников на весь период действия СЭЗ
Акциз на жидкую сталь	0 %	Для участников, осуществляющих инвестиционные проекты в металлургии
НДПИ (уголь, железная руда)	0 руб.	Льгота действует в пределах объема капитальных вложений
Налог на имущество организаций	0 %	В течение 10 лет с момента принятия объекта на учет
Земельный налог	0 %	Сроком на 3 года с момента возникновения права собственности на участок

Примечание. Составлено по: [Виндижева, 2024, с. 39].

бюджетно-налогового регулирования, основанного на программно-целевом бюджетировании [Чернякова, 2024, с. 75] с целью поддержки приоритетных отраслей хозяйствования: развития портовой инфраструктуры и логистики, аграрного сектора, промышленности и наукоемких производств [Сейтумерова, 2024, с. 283]. Успех такой политики можно измерять через систему ключевых показателей эффективности (КПИ), включающих показатели продукта, эффективности и качества [Чернякова, 2024, с. 77].

В современной российской практике разработка мер по борьбе с теневой экономикой основывается на применении обобщенных статистических данных по стране без учета региональных особенностей: регионального уровня теневой экономики, ее структуры, местных традиций ведения бизнеса и менталитета населения, характерных факторов возникновения и развития теневой экономики.

Однако, в силу того, что теневая экономика регионов России «этнически специфична» [Иншаков и др., 2008, с. 209], процесс формирования экономической политики в ее отношении для ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей должен осуществляться при непосредственном участии региональных органов государственной власти и учитывать реальную социально-экономическую ситуацию на микроуровне, что позволит создать условия для сокращения уровня теневой экономики в регионах и устранить реальные причины ведения хозяйственной деятельности в теневом секторе.

Для этого, помимо оптимизации системы налогообложения, необходимо решение ряда других задач:

1. Развитие региональной социальной инфраструктуры и повышение уровня жизни населения, позволяющее нивелировать одну из главных причин возникновения и развития теневой экономики. Сюда относятся, во-первых, совершенствование адресности поддержки социально незащищенных слоев населения; во-вторых, повышение качества предоставляемых общественных благ; в-третьих, постоянное регулирование минимального размера оплаты труда.

2. Создание условий, максимально благоприятных для ведения бизнеса в официальном секторе путем снижения транзакционных издержек и посредством разработки специаль-

ной программы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в новых регионах России.

3. Регулирование трудовой деятельности, предполагающее разработку комплекса мер по сокращению неофициальной занятости населения с учетом региональной специфики: стимулирование трансформации трудоспособного населения из сферы домашних хозяйств в более развитую форму организации производственной деятельности; перевод скрытой занятости в официальный сектор экономики посредством реализации программ развития реального сектора, программ развития малого и среднего бизнеса с целью снижения уровня безработицы и создания менее капиталоемких рабочих мест; совершенствование системы выявления и пресечения незаконной миграции.

4. Регулирование денежного обращения, способствующее большей прозрачности финансовых операций, и предполагающее, прежде всего, полную интеграцию системы безналичных расчетов ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в банковскую систему Российской Федерации.

В силу невозможности ранжирования изложенных задач по приоритетности и важности относительно достижения основной цели экономической политики в отношении теневой экономики, а также в связи с необходимостью обеспечения комплексного воздействия на специфические причины возникновения и распространения теневой экономики в новых регионах, решение всех изложенных задач целесообразно осуществлять одновременно и систематически.

При таком комплексном, многостороннем подходе к сокращению уровня теневой экономики одной из приоритетных задач региональных органов власти становится учет интересов всех субъектов экономической системы (государства, домашних хозяйств и предпринимателей), которые зачастую вступают в противоречия друг с другом. Сбалансированность мер экономической политики относительно каждой группы участников экономических отношений является основным условием эффективности противодействия теневой экономике.

На наш взгляд, система предложенных мер позволит обеспечить высокую эффективность

экономической политики по сокращению уровня теневой экономики в новых регионах Российской Федерации.

Выводы

Теневая экономика в новых регионах России в период 2022–2025 гг. стала сложным, многогранным и внутренне противоречивым феноменом, который не может быть однозначно оценен как сугубо положительное или отрицательное явление. Природа теневой экономики двойственна: с одной стороны, она представляет собой серьезную угрозу для фискальной стабильности, конкурентной среды и социального благополучия в долгосрочной перспективе, с другой – в условиях острого кризиса, вызванного конфликтом и системной трансформацией, выполняет функции социального стабилизатора и механизма экономического выживания для значительной части хозяйствующих субъектов.

Баланс между деструктивной и адаптивной ролями теневой экономики не является статичным, он динамично изменяется по мере продвижения интеграционных процессов и становления формальных институтов. На начальном этапе (2022–2023 гг.) преобладали адаптивные функции, поскольку неформальный сектор фактически спасал экономику и социум от коллапса, однако по мере стабилизации ситуации и развертывания российских правовых и экономических механизмов (2024–2025 гг.) начинают доминировать деструктивные аспекты, тормозящие развитие экономической системы.

Следовательно, главной задачей государственной политики становится формирование системы управления механизмом постепенного и последовательного вытеснения теневых практик на основе создания более привлекательной и доступной легальной альтернативы. Эффективность свободной экономической зоны и применения целевых налоговых льгот зависит от качества администрирования и способности предотвратить противозаконные действия. Успех интеграции новых регионов будет зависеть не от того, как быстро удастся ликвидировать неформальный сектор, а от того, насколько эффективно государство сможет трансформировать его в легальный и устойчивый экономический рост.

Понимание двойственной природы теневой экономики является необходимым условием для разработки реалистичной, эффективной и гуманной политики, нацеленной на интеграцию новых территорий в единое социально-экономическое пространство Российской Федерации – так называемой стратегии «управляемой формализации».

Одностороннего решения проблемы сокращения уровня теневой экономики в новых регионах Российской Федерации недостаточно. В соответствии с этим представляется целесообразным комплексное применение мер по экономическому стимулированию и административному упрощению хозяйственной деятельности экономических субъектов, что даст возможность как прямого, так и косвенного государственного воздействия на причины возникновения и роста уровня теневой экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдеев, В. В. Институциональные ловушки переходных экономик: теория и практика / В. В. Авдеев // Вопросы экономики. – 2023. – № 5. – С. 68–85.
- Белоусова, Т. А. Методологические подходы к оценке масштабов теневой экономики в регионах с особым статусом / Т. А. Белоусова, С. А. Воронин // Финансы и кредит. – 2024. – № 2 (842). – С. 210–228.
- Виндижева, Б. Ч. К вопросу о налоговом стимулировании экономики новых регионов Российской Федерации / Б. Ч. Виндижева // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – № 8 (114). – С. 37–43.
- Гаврилов, К. Н. Неформальная занятость как стратегия выживания домохозяйств в условиях постконфликтной трансформации / К. Н. Гаврилов // Социологические исследования. – 2023. – № 9. – С. 45–57.
- Дорофеев, М. С. Трансформация логистических цепочек на Юге России: роль неформальных сетей / М. С. Дорофеев // Логистика сегодня. – 2024. – № 1. – С. 34–42.
- Еремина, И. Ю. Правовая неопределенность как фактор роста теневого сектора в новых субъектах РФ / И. Ю. Еремина // Право и экономика. – 2023. – № 7. – С. 15–23.
- Иншаков, О. В. Теневая экономика и этноэкономика Южного макрорегиона России. Свет и цвет в экономике и обществе : монография / О. В. Иншаков, Е. И. Иншакова. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2008. – 734 с.

- Ковалев, А. И. «Гаражная экономика» как элемент устойчивости локальных хозяйственных систем / А. И. Ковалев // Региональная экономика: теория и практика. – 2022. – Т. 20, № 11. – С. 2074–2090.
- Лось, И. К. Выбор модели социально-экономического развития ДНР на основе тенденций развития мировой экономики / И. К. Лось // М. Рыскулбеков атындагы Кыргыз экономикалык университетинин кабарлары. – 2024. – № 2 (63). – С. 164–166.
- Лысенко, А. П. Оценка фискального потенциала и бюджетной обеспеченности новых территорий в среднесрочной перспективе / А. П. Лысенко // Вестник Института экономики РАН. – 2024. – № 3. – С. 50–67.
- Любовцева, Е. Г. Влияние санкций на развитие экономики России: возможности и ограничения / Е. Г. Любовцева, И. А. Гордеева // Вестник Чувашского университета. – 2022. – № 3. – С. 8–14.
- Ляшенко, Ю. А. Мотивы развития внешнеэкономической деятельности для разных субъектов рыночных отношений в ДНР и ЛНР / Ю. А. Ляшенко, А. В. Мешков // Ресурсосбережение. Эффективность. Развитие : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф., Донецк, 24 нояб. 2023 г. – Донецк : Донец. нац. техн. ун-т. – 2023. – С. 293–296.
- Портанский, А. П. Параллельный импорт и его влияние на структуру российской экономики / А. П. Портанский // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. – № 8. – С. 7–19.
- Сейтумерова, У. С. Потенциал развития новых регионов России / У. С. Сейтумерова // Актуальные проблемы социально-экономического развития общества : сб. тр. по материалам VI Нац. науч.-практ. конф. – Керчь : Керч. гос. мор. технол. ун-т. – 2024. – С. 281–286.
- Теневая экономика как вызов и индикатор для государственного управления: аналитический доклад. – М. : Центр стратег. разработок, 2024. – 78 с.
- Трофимова, О. Е. От борьбы к легализации: зарубежный опыт и российские перспективы политики в отношении неформального предпринимательства / О. Е. Трофимова // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. – Т. 68, № 4. – С. 80–91.
- Чернякова, Т. М. Оценка перспектив инвесториентированного механизма бюджетно-налогового регулирования экономики новых регионов РФ / Т. М. Чернякова // Вестник Луганского государственного университета им. Владимира Даля. Серия: Экономические науки. – 2024. – № 1 (1). – С. 74–81.

REFERENCES

- Avdeev V.V. Institutsional'nye lovushki perekhodnykh ekonomik: teoriya i praktika [Institutional traps of transition economies: theory and practice]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2023, no. 5, pp. 68-85.
- Belousova T.A., Voronin S.A. Metodologicheskie podkhody k otsenke masshtabov tenevoi ekonomiki v regionakh s osobym statusom [Methodological approaches to assessing the scale of the shadow economy in regions with a special status]. *Finansy i kredit* [Finance and Credit], 2024, no. 2 (842), pp. 210-228.
- Vindizheva B.Ch. K voprosu o nalogovom stimulirovanii ekonomiki novykh regionov Rossiiskoi Federatsii. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economics and Business: Theory and Practice], 2024, no. 8 (114), pp. 37-43.
- Gavrilov K.N. Neformal'naya zanyatost' kak strategiya vyzhivaniya domokhozyaistv v usloviyakh postkonfliktnoi transformatsii [Informal employment as a household survival strategy in a post-conflict transformation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2023, no. 9, pp. 45-57.
- Dorofeev M.S. Transformatsiya logisticheskikh tsepochek na Yuge Rossii: rol' neformal'nykh setei [Transformation of supply chains in southern Russia: the role of informal networks]. *Logistika segodnya* [Logistics Today], 2024, no. 1, pp. 34-42.
- Eremina I.Yu. Pravovaya neopredelennost' kak faktor rosta tenevogo sektora v novykh sub'ektakh RF [Legal uncertainty as a factor in the growth of the shadow sector in new constituent entities of the Russian Federation]. *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], 2023, no. 7, pp. 15-23.
- Inshakov O.V., Inshakova E.I. Tenevaya ekonomika i etnoekonomika Yuzhnogo makroregiona Rossii. [Shadow economy and ethnoeconomics of the Southern macroregion of Russia]. *Svet i cvet v ekonomike i obshchestve: monografiya*. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2008. 734 p.
- Kovalev A.I. «Garazhnaya ekonomika» kak element ustoychivosti lokal'nykh khozyaistvennykh sistem [“Garage economy” as an element of stability of local economic systems]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2022, vol. 20, no. 11, pp. 2074-2090.
- Los I. K. Vybor modeli sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya DNR na osnove tendentsii razvitiya mirovoi ekonomiki [Selecting a model for the socio-economic development of the DPR based on global economic development trends].

- M. Ryskulbekov atyndagy Kyrgyz ekonomikalыk universitetinin kabarlary* [Bulletin of the Kyrgyz Economic University named after M. Ryskulbekov], 2024, no. 2 (63), pp. 164-166.
- Lysenko A.P. Otsenka fiskal'nogo potentsiala i byudzhetnoi obespechennosti novykh territorii v srednesrochnoi perspektive [Assessment of the fiscal potential and budgetary provision of new territories in the medium term]. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 2024, no. 3, pp. 50-67.
- Lyubovtseva E.G., Gordeeva I.A. Vliyanie sanktsiy na razvitie ekonomiki Rossii: vozmozhnosti i ogranicheniya [The Impact of Sanctions on the Development of the Russian Economy: Opportunities and Limitations]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2022, no. 3, pp. 8-14.
- Lyashenko Yu.A., Meshkov A.V. Motivy razvitiya vneshneekonomicheskoi deyatel'nosti dlya raznykh subektov rynochnykh otnoshenii v DNR i LNR [Motives for the development of foreign economic activity for various market participants in the DPR and LPR]. *Resursosberezhenie. Effektivnost. Razvitie: materialy VIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Proceedings of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference]. Donetsk, DonNTU, 2023, pp. 293-296.
- Portanskiy A.P., Parallel'nyi import i ego vliyanie na strukturu rossiiskoi ekonomiki [Parallel imports and their impact on the structure of the Russian economy]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], 2023, no. 8, pp. 7-19.
- Seytumerova U.S., 2024. Potentsial razvitiya novykh regionov Rossii [Development potential of new regions of Russia]. *Aktualnye problemy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya obshchestva: sbornik trudov po materialam VI Natsionalnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Collection of papers based on the materials of the VI National Scientific and Practical Conference]. Kerch, Kerch. gos. mor. tehnol. un-t, 2024, pp. 281-286.
- Tenevaya ekonomika kak vyzov i indikator dlya gosudarstvennogo upravleniya* [The shadow economy as a challenge and indicator for public administration]. Moscow, Center for Strategic Research Publ. 78 p.
- Trofimova O.E. Ot bor'by k legalizatsii: zarubezhnyi opyt i rossiiskie perspektivy politiki v otnoshenii neformal'nogo predprinimatel'stva [From Struggle to Legalization: International Experience and Russian Prospects for Policy on Informal Entrepreneurship]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2024, vol. 68, no. 4, pp. 80-91.
- Chernyakova T.M. Otsenka perspektiv investo-orientirovannogo mekhanizma byudzhetnalogovogo regulirovaniya ekonomiki novykh regionov RF [Assessing the Prospects of an Investment-Oriented Mechanism for Budgetary and Tax Regulation of the Economy of New Regions of the Russian Federation]. *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo universiteta im. Vladimira Dalya. Seriya: Ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Lugansk State University named after Vladimir Dahl. Series: Economic Sciences], 2004, no. 1 (1), pp. 74-81.

Information About the Authors

Julija G. Popova, Candidate of Sciences (Economics), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, kopilovajg@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4119-0763>

Elena G. Russkova, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, russkovaeg@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9392-3642>

Информация об авторах

Юлия Геннадиевна Попова, кандидат экономических наук, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, kopilovajg@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4119-0763>

Елена Геннадиевна Русскова, доктор экономических наук, профессор, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, russkovaeg@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9392-3642>